КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4.

Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века. М., 2001.

ОГАЧО. Ф. Р-138 (Челябинский губисполком).

Правда. 1925. 1 июля.

Скакалин В. И. Социальная значимость культуры в сохранении национальной самобытности России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Skakalin/> (дата обращения: 12.08.2017).

Урал. рабочий. 1922. 26 апр.

ЦДООСО. Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б)).

ЦДООСО. Ф. 1494 (Уральское бюро ЦК РКП(б)).

УДК 94(470.54).084.3:351.74

И. С. Сильченко

ПРЕСТУПНОСТЬ В РЯДАХ МИЛИЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1919–1923 гг.

В статье рассматриваются вопросы преступности в органах милиции и уголовного розыска Екатеринбургской губернии. Автор выделяет типы наиболее массовых преступлений, приводит примеры таких правонарушений и подробно анализирует причины их появления. В работе делаются выводы о том, что главной причиной преступности являлось тяжелое социально-бытовое положение милиционеров, вызванное экономическим кризисом в губернии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбургская губерния, милиция, уголовный розыск, преступность.

Милиция как основной орган охраны правопорядка начала формироваться непосредственно после занятия территории Екатеринбургской губернии войсками Красной армии. Процесс создания милиции контролировался военно-революционными комитетами (ревкомками), представлявшими собой местные органы чрезвычайного управления. С момента формирования губернского отдела управления и местных исполнительных комитетов милиция перешла в подчинение данных структур.

На территории Екатеринбургской губернии милиция была сформирована 17 июля 1919 г. На первоначальном этапе ее штат составляли

200 сотрудников, из которых почти половина проходила службу в рядах полиции либо милиции А. В. Колчака [см.: ГАСО, ф. 708, оп. 1, д. 13, л. 9]. В начале 1920 г. управления милиции действовали на территории всех уездов, а общая численность милиционеров всех должностей составляла 2660 сотрудников [см.: ГАСО, ф. Р-9, оп. 1, д. 26, л. 3].

Серьезной проблемой формирования милиции Екатеринбургской губернии являлась текучесть кадрового состава. Для сохранения боеспособности руководство пыталось осуществить ряд мер, способствующих сохранению кадрового ядра. Так, например, каждый работник милиции при устройстве на работу заполнял не только опросный лист, но и давал подписку об обязательной службе сроком не менее пяти месяцев [см.: ГАСО, ф. 708, оп. 1, д. 13, л. 30]. Срок службы постепенно увеличивался и к февралю 1922 г. составлял два года с момента принятия милиционера на должность [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 179, л. 23]. Дезорганизацию в работу милиции также вносили частичные или общие мобилизации милиционеров в Красную армию. Деятельность местных военных комиссариатов часто шла вразрез с декретом СНК от 3 апреля 1919 г. В результате в армию было мобилизовано до 70 % личного состава органов охраны правопорядка. По причине недостатка мужского населения в милицию привлекались женщины, причем их прием мог быть осуществлен только по рекомендации партийных органов или женотдела.

Наравне с кадровыми проблемами трудности наблюдались в организации снабжения органов милиции вооружением. Личный состав на 80 % был не вооружен, а половина наличных винтовок являлась неисправной. Острая потребность наблюдалась в короткоствольном оружии, необходимым для вооружения командного состава. По причине отсутствия оружия нередкими были случаи побега заключенных от конвоировавших их милиционеров [см.: Там же, д. 180, л. 37]. Согласно постановлению Народного комиссариата государственного контроля РСФСР от 20 октября 1918 г. задачу снабжения милиции должны были решать местные военкоматы, однако на практике милиция снабжалась по остаточному принципу [Там же, л. 38]. Основную часть вооружения милиции Екатеринбургской губернии составляли устаревшие винтовки «ГРА» и «Бердана», револьверы «Смит и Вессон», а также различные гражданские модели. Наряду с недостаточным количеством, моральным устареванием и физическим износом вооружения, существенной проблемой являлось отсутствие боеприпасов. В некоторых случаях милиционеры, вооруженные зарубежными образцами вооружения, самостоятельно занимались поиском боеприпасов [см.: Там же, л. 40].

Не лучшим образом складывалась ситуация со снабжением милиционеров униформой, снаряжением и продуктами питания. Местные хозяйственные структуры не справлялись с задачей снабжения органов правопорядка. Не хватало сапог, гимнастерок, шаровар. Милиционеры не только не имели единообразной униформы, но иногда ходили в лаптях или босиком [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 180, л. 39]. В одном из докладов начальник Екатеринбургской губернской милиции П. Г. Савотин писал: «невозможно строго спрашивать даже с самых сознательных милиционер об исполнении долга перед пролетарской революцией, когда милиционер не имеет ничего» [Там же, л. 36]. Согласно декрета от 3 апреля 1919 г. милиционеры должны были получать красноармейский паек, однако на практике снабжение сотрудников продуктами питания было организовано слабо. В некоторые периоды количество пайков не превышало 15 % от необходимого [см.: Там же, л. 12]. Уровень заработной платы не позволял сотрудникам милиции не только приобретать промышленные товары первой необходимости, но и обеспечивать свои семьи продуктами питания. Средняя зарплата младшего милиционера в конце 1919 – начале 1920 г. составляла 2100 руб. [см.: Там же, л. 95], в то время как рыночная цена на муку в середине 1919 г. на Урале составляла в районе 120 руб. за пуд, а ежемесячный рост цен превышал 20–30 % [см.: Нарский, с. 258].

Неустойчивое социально-правовое положение милиционеров, недостаточный уровень снабжения органов охраны правопорядка униформой, снаряжением, вооружением, перебои с выдачей продуктовых пайков и низкий уровень заработной платы при превышающем росте инфляции сделали работу в милиции непопулярной. Милицейское руководство пыталось решить кадровые проблемы путем привлечения любых работников, не обращая внимания на степень их лояльности новой власти и личные морально-этические установки. Многие милиционеры рассматривали службу в органах охраны правопорядка в качестве возможности «переждать смутное время». Политика кадрового отбора в комплексе с проблемами снабжения привели в 1919–1923 гг. к необычайному росту преступности среди милиционеров. Только в период с конца октября 1919 до начала мая 1920 г. зарегистрировано 246 преступлений, совершенных сотрудниками милиции [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 179, л. 41], и это число постоянно увеличивалось. Большинство преступлений было связано с растратами и присвоением казенного имущества.

Так, в мае 1920 г. помощник начальника Екатеринбургской уездно-городской советской милиции Глухих и начальник 4-го района городской милиции Стеблов за злоупотребление в сфере распределения продуктов

были переданы суду Революционного трибунала [ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 178, л. 9]. 27 декабря 1921 г. член Уездного городского исполнительного комитета г. Каменска Востряков высказал предположение о том, что «сотрудник милиции Кислицын, видимо, занимается самоснабжением, имея в количестве муки, мяса и рыбы, которые очень часто променивает на разные вещи» [ГА в г. Ирбите, ф. Р-21, оп. 1, д. 2, л. 69 об.]. Данные подозрения подтвердили и другие свидетели, на основании чего народным следователем Ф. З. Логиновым было произведено предварительное следствие, которое показало, что в расхищении продуктов и вещевого имущества принимали участие практически все сотрудники хозяйственного отдела Каменской милиции. В расхищениях с целью обогащения и пьянства, в сокрытии результатов учета продуктов и фуража, самоснабжении, подделке документов обвинялись начальник хозяйственного отдела Каменской милиции И. А. Кислицын, каптенармус того же отделения П. К. Заостровских, помощник каптенармуса И. П. Мясников, помощник начальника Каменской уездно-городской милиции В. А. Филимонов, делопроизводитель управления милиции М. А. Трофимов, делопроизводитель хозотдела милиции Н. А. Родионов, начальник 1-го района уездно-городской милиции Ф. Г. Зайцев [см.: Там же, л. 73 об.]. Все фигуранты были уволены из рядов милиции, а их дела переданы в производство губернского Революционного трибунала. 7 марта 1922 г. за расхищение государственного хлеба был уволен начальник 6-го района Шадринской милиции А. Богданов [см.: Там же, л. 106].

Стоит отметить, что в приказах по милиции Екатеринбургской губернии о подобных преступлениях объявлялось несколько раз в месяц. В основной массе преступления были связаны с хищением продуктов питания, одежды и предметов первой необходимости. Это объясняется глубоким кризисом в Екатеринбургской губернии и тяжелым социально-экономическим положением милиционеров. Во многих случаях сотрудники органов охраны правопорядка были вынуждены преступать закон для того, чтобы прокормить себя и свои семьи.

Из списка преступлений можно выделить взяточничество, которое в 1919–1923 гг. получило широкое распространение. Как правило, взятки сотрудникам органов охраны правопорядка предлагались за действия, способные предотвратить ответственность лиц, причастных к совершению противоправных поступков. 17 января 1922 г. инспектор уголовного розыска 5-го района г. Екатеринбурга В. А. Калихин и агент 1-го разряда В. А. Маркус были задержаны во время получения взятки размером 2 млн руб. от граждан Когана и Трейфуса [см.: Там же]. В январе 1923 г. агенту

губернского уголовного розыска А. И. Тохтуеву была дана взятка в размере 3,9 млн рублей [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 434, л. 11].

Самым массовым типом нарушения трудовой дисциплины являлось пьянство. Так, в августе 1922 г. за систематическое употребление алкоголя был уволен начальник арестного дома Красноуфимской милиции Т. И. Ташкинов [ГА в г. Иrbите, ф. Р-21, оп. 1, д. 2, л. 156]. 9 сентября 1922 г. старшего милиционера 4-го отделения г. Екатеринбурга П. Чечулина, обвиняемого в «пьянстве и буйстве при исполнении служебных обязанностей, выразившихся в стрельбе по кошкам» [Там же, л. 166] было решено исключить из списков милиции без права повторного поступления на службу. 27 ноября 1922 г. в Екатеринбурге на ул. Отрясинской, д. 28 были задержаны преступники в количестве шести человек, которые сопровождалась из Ревдинского завода в исправдом № 1 тремя милиционерами. Группа прибыла в Екатеринбург и, остановившись по вышеуказанному адресу, занялась пьянством, в результате оказалось, что вышеназванные конвоиры и бандиты перепились, «находящееся же оружие у конвоиров как-то: два револьвера, три винтовки и шашки находились не у конвоиров, а у бандитов» [ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 434, л. 327]. В итоге все девять человек были задержаны. Анализ приказов по личному составу Екатеринбургской губернской милиции, представленных в Государственном архиве Свердловской области (ф. Р-511) и Государственном архиве г. Иrbита (ф. 21), позволяет утверждать, что в среднем в 1919–1923 гг. ежемесячно за пьянство увольнялось восемь сотрудников.

Наравне с экономическими преступлениями, пьянством и нарушением трудовой дисциплины нередкими являлись случаи совершения милиционерами должностных и уголовных преступлений. 23 апреля 1922 г. Екатеринбургским губернским революционным трибуналом за хищение вещественных доказательств с целью введения следствия в заблуждение были осуждены агенты уголовного розыска Б. И. Новиков, В. П. Коваленко, В. Н. Федорова и Т. Я. Устюжанина. Фигуранты дела были приговорены к заключению в исправдоме сроком до девяти месяцев [см.: Там же]. Летом 1922 г. младшие милиционеры 1-го района Екатеринбургской милиции Тимин, Кардашев и Ершов за бандитизм были приговорены к тюремным срокам со строгой дисциплиной [см.: Там же, л. 92]. В это же время старший милиционер Камышловской милиции В. Лебедев был отдан под суд за снабжение бандитов казенным оружием [см.: Там же, л. 156]. 11 октября 1922 г. милиционер В. Горячев совместно со старшим милиционером И. Южаковым принимали участие в описи имущества гражданина Ф. Елькина, проживавшего в Екатеринбурге по адресу:

ул. Кузнечная, 71. Воспользовавшись ситуацией, милиционеры похитили деньги в сумме 304 тыс. руб. образца 1922 г. и скрылись в неизвестном направлении вместе с имевшимися у них револьверами системы «Наган» [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 434, л. 290].

Высокий уровень преступности среди милиционеров Екатеринбургской губернии приводил к частой смене кадрового состава и снижению авторитета правоохранительных органов в глазах общества. В совокупности указанные факторы снижали эффективность работы милиции, ухудшая криминогенную обстановку в регионе. Стоит отметить, что во многих уездно-городских отделениях милиции в целях сохранения положительных показателей факты преступлений сознательно скрывались, а сотрудники, подозреваемые в совершении противоправных действий, оставались на своих должностях. Для определения реального количества правонарушений, а также в целях очистки рядов охраны правопорядка от нежелательного элемента было решено организовать проведение выездных проверочных комиссий уездных управлений Екатеринбургской губернской милиции. В 1921–1923 гг. комиссиями был выявлен ряд преступлений, связанных с превышением служебных полномочий и нарушением трудовой дисциплины. Так, в декабре 1921 г. за утерю секретного шифра на вокзале Ирбита на один год пребывания в исправительном доме был осужден начальник милиции 1-го района Ирбита Г. М. Кривоногов. 27 марта 1922 г. начальник административно-строевого отдела Екатеринбургской милиции Лапин был исключен из состава органов охраны правопорядка за хищение овса и систематическое пьянство. В апреле 1922 г. «за кражу вещей у милиционеров» [ГА в г. Ирбите, ф. Р-21, оп. 1, д. 2, л. 85] из Каменской милиции был уволен И. П. Голощекин; за сокрытие следов убийства девяти человек на хуторе уволен начальник резерва Красноуфимской милиции Г. Фарафонов, за хищение отстранен от службы начальник арестного дома Красноуфимской милиции Р. Елкин [см.: Там же]. Чистки также прошли в Ирбитской, Екатеринбургской и Верхотурской милиции, из которых по причинам нарушения закона было уволено 12 человек [см.: Там же, л. 83].

В конце 1922 г. был запущен процесс перехода милиции на территориальное снабжение. Если до этого материальное обеспечение губернской милиции осуществлялось за счет отчислений центральных органов охраны правопорядка, то с указанного периода содержание милиции было включено в обязанности местных советских органов. Это позволило не только рационально расходовать материальные средства, но и точно воздействовать на проблемные сферы. Подобные изменения значи-

тельно улучшили материально-бытовые условия существования командного состава и рядовых милиционеров, позволив выбирать подходящие кадры, отсеивая политически нестабильных претендентов и лиц с криминальным прошлым. К середине 1923 г. количество правонарушений, совершенных сотрудниками органов охраны правопорядка, значительно снизилось. Так, например, в июле и августе 1923 г. за пьянство не было уволено ни одного сотрудника губернской милиции [см.: ГА в г. Ирбите, ф. Р- 21, оп. 1, д. 2, л. 93–102]. С этого периода эффективность органов охраны правопорядка постепенно возрастает, и они получают возможность бороться с преступностью в регионе.

ГАСО. Ф. 708 (Камышловское уездно-городское управление советской милиции).

ГАСО. Ф. Р-9 (Екатеринбургское губернское управление рабоче-крестьянской милиции («Губмилиция»)).

ГАСО. Ф. Р-511 (Отдел управления исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГУБОТУПРАВ)).

ГА в г. Ирбите. Ф. Р-21 (Управление уездно-городской Ирбитской советской милиции).

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

УДК 94(470.344).084.3/.084.5:02

Е. К. Иванова

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ КНИГАМИ В БИБЛИОТЕКАХ ЧУВАШИИ в 1920–1925 гг.

В статье раскрыты особенности становления и трудности развития библиотечного дела в чувашских уездах, говорится об организации шефского движения для сбора книг, средств для материальной помощи сельским библиотекам, содействия распространению периодической печати среди крестьян, проведения ремонта помещений, обеспечения библиотек и изб-читален дровами и освещением.

К л ю ч е в ы е с л о в а: шефское движение, дни и месячники книги, недели просвещения, библиотечное дело, культурно-просветительные учреждения, избы-читальни.